5. *Снапковский, В. Е.* Внешняя политика Республики Беларусь: первые итоги первого десятилетия / Е. В. Снапковский // Журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 42–49.

6. *Русакович, А. В.* Белорусско-германские экономические отношения А. В. Русакович // Журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 1. – С. 30–39.

7. *Гавриловец, Л. В.* Основные направления Белорусско-польского сотрудничества в первой половине 1990-х гг. / Л. В. Гавриловец // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 62–70.

8. *Навоцик, Е. В.* Белорусско-шведские отношения в политической сфере (1992–2013 гг.) / Е. В. Навоцик // Труды факультета международных отношений: научный сборник (выпуск 5) / БГУ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2014. – С. 29–35.

(Дата подачи: 20.02.2017 г.)

С. В. Кулинок

Белорусский государственный архив научно-технической документации, Минск

S. Kulinok

Belarusian State Archives of Scientific and Technical Documentation,
Minsk

УДК 355.488:356.168(430)“19”

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ
НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ
РАБОТЕ ПРОТИВ ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

**USAGE OF THE CIVILIAN POPULATION BY THE GERMAN
SECRET SERVICES IN THE INTELLIGENCE AND SABOTAGE
OPERATION AGAINST THE PARTISANS IN 1941–1944
(BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL
ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

В статье анализируется деятельность немецких разведывательных и оккупационных органов по привлечению и использованию гражданского населения оккупированной Беларуси в борьбе с партизанским движением. На основании документальных источников Национального архива Республики Беларусь рассматриваются особенности вербовки и обучения в шпионских школах различных половозрастных (женщины, дети, старики) и социальных (беженцы, инвалиды, учителя, лесники, врачи) групп населения, а также результаты этой деятельности.

Ключевые слова: абвер; агент; вербовка; шпионаж; разведывательно-диверсионная школа.

The article analyzes the activities of German intelligence and the occupation authorities on the engagement and the use of the civilian population of the occupied Belarus in fighting the partisan movement. On the documentary sources of the National archives of the Republic of Belarus describes the features of the recruitment and training in spy schools of different age and gender (women, children, old people) and social (refugees, the disabled, teachers, foresters, doctors) groups, and the results of this activity.

Key words: Abwehr; agent; recruitment; espionage; reconnaissance and commando school.

Одним из методов борьбы немецких разведывательных и оккупационных органов с партизанским движением на территории БССР в годы Великой Отечественной войны была массовая подготовка и засылка в соединения «народных мстителей» агентуры с разведывательно-диверсионными задачами. Особенно активно эта деятельность велась, начиная с осени 1942 г., так как остановить масштабы значительного роста и организационного укрепления (создание ЦШПД и БШПД) партизанской борьбы оккупантам не удавалось. Подготовка кадров для решения поставленных задач решалась по двум основным направлениям:

- обучение курсантов в специальных разведывательно-диверсионных школах (курсах). Сроки подготовки были различными в каждом отдельном случае: от нескольких недель (курсы в м. Семежово) [1, л. 19] до года (школа в Орше) [2, л. 11об.];

- вербовка и подготовка агентов «на месте» с предварительным кратким инструктажем и последующей засылкой в партизанские отряды. Такой метод практиковался, как правило, в отношении одного или небольшой группы лиц, когда имелась хорошая возможность для вербовки.

Масштабы этой работы являлись фактически «конвейерными», осуществлялись в течение всего периода оккупации и имели важнейшее значение как для немецких военных властей, так и для безопасности советского тыла, Красной армии и партизанских формирований. В фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) отложился значительных пласт документальных источников по данной проблеме. Согласно классификации И. Д. Ковальченко, документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме, когда можно выделить следующие основные виды документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведанные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Видовое разнообразие источников, их объем, содержание, а также возможность привлечения иных документов (органов НКВД-НКГБ, партийных организации и др.) позволяет говорить о высокой степени репрезентативности и богатом информационном потенциале, отражающем практически все важнейшие аспекты привлечения гражданского населения к антипартизанской борьбе.

Безусловно, что на протяжении всего периода оккупации в первую очередь к разведывательно-диверсионной работе привлекались люди военные или околовоеенные. В самом начале войны – это бывшие белоэмигранты и члены различных антисоветских националистических организаций, в период оккупации – военнопленные, полицейские и активные коллаборанты. Например, в кратком отчете о деятельности партизанского отряда Шемякина за первое полугодие 1943 г. приводятся такие данные: «В Гомеле, Минске, Могилеве, Бобруйске, Борисове – работают специальные школы гестапо... Набирают в эти школы в основном военнопленных. Изучают историю окружения на территории Беларуси частей Красной Армии, составляют легенды и группами в 3–5 человек высылают в партизанские отряды под видом военнопленных с целью разведки и террора» [3, л. 34 об.].

Вместе с этим отметим, что значительное количество готовившейся агентуры вербовалось из числа гражданского (невоенного) населения Беларуси. При этом не делалось никаких исключений для различных половозрастных, национальных и социальных групп населения.

Начиная с середины 1942 г. в архивных документах систематически встречаются сведения о подготовки агентов из числа молодых девушек и женщин как в немецких спецшколах, так и в индивидуальном порядке. В конце 1942 г. разведотдел Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) уже располагал данными о массовой подготовке женщин-агентов в Гомельской и Слуцкой школах. В разведсводке БШПД № 32 от 29 мая 1943 г. сообщалось, что в «Слуцке имеется школа гестапо, расположенная в здании бывшего педтехникума. Срок обучения 3 месяца. Численный состав слушателей – до 200 человек... из них 130 девушек и 70 мужчин... Личный состав слушателей школы набора ноября 1942 года» [4, л. 129–130]. Эти же данные подтверждаются в протоколе допроса разоблаченного агента Слуцкой спецшколы Александры П. [5, л. 4,4 об.] и ориентировке НКВД СССР за подписью Н. Эйтингона от 26 апреля 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина [6, л. 5]. По данным бывшей курсантки С. Нины, которые она сообщила на допросе 9 декабря 1943 г., в гомельской школе с июня по декабрь 1942 г. проходило обучение около 100 агентов, большинство из которых были молодые девушки [7, л. 286–297]. Использование «агентов в юбках» было вызвано несколькими факторами: во-первых, на оккупированной территории Беларуси они составляли значительную часть населения. Во-вторых, социальная незащищенность этой группы населения открывала немецким разведчикам широкие возможности для их вербовки.

В-третьих, женщинам-агентам гораздо легче было составить легенду для их внедрения в партизанские отряды, к примеру, под видом спасающихся от отправки в Германию, бежавших с принудительных работ, прячущихся от карателей. Для большей достоверности им давались малыши из детских домов.

При вербовке активно практиковалась система заложничества, когда в случае отказа выполнять задания под угрозу ставилась жизнь родных и близких. В «Отчете о работе Особого Отдела соединения партизанских отрядов по Минской области за май 1943 года» указывалось, что, засылая агентов «насильственным путем в партизанские отряды и зоны для шпионажа, гестапо в качестве заложников оставляет их семьи – матерей, отцов, братьев и сестер и в случае невыполнения приказа расстреливает их» [8, л. 30об.-31]. Еще одним аргументом при вербовке в шпионы была угроза вывоза на принудительные работы в Германию. Разоблаченная в апреле 1944 г. агент С. Нина (16 лет) на допросе показала, что «была принята в школу пропагандистов (на самом деле разведывательно-диверсионная абвершкола в г. Минске – С. К.) согласно поданного мной заявления. Причиной послужил вывоз меня в Германию, я лучше решила учиться в школе, чем ехать в Германию» [7, л. 433–436]. В условиях всеобщего голода и нужды не последнюю роль при вербовке играло и материальное вознаграждение (не только продуктами питания, но и товарами широкого потребления и деньгами). Так, «агенту Д. Евдокии за её деятельность выдать: 1 дамское платье; 2 дамских пальто, 1 пару чулок, 1 пару белья, 1 пару ботинок. И для выполнения одного дела дать ей 0,5 л. водки» [9, л. 113].

Можно выделить два основных вида заданий, которые давались «агентам в юбках»: разведывательная работа (выявление мест и лагерей партизан, их количества, вооружения и командования) и диверсионная (индивидуальный террор в отношении командно-политического состава, массовые диверсии путем отравления пищи, медикаментов и воды). Практически всегда эти задания комбинировались. Примером процесса внедрения в отряд может служить эпизод, произошедший с агентом Г-й Александрой 1925 года рождения. 25 марта 1943 г. ей «было дано задание совершение диверсий в партизанском отряде. Основной задачей Г-й было пробраться в партизанский отряд как беспризорница, обиженная и измученная немцами. Для маскировки вражеского лица одела лапти и рваную одежду. Кроме этого, были нанесены ножевые раны в спину якобы при попытке к бегству. Она должна была совершить диверсию по отравлению продуктов» [10, л. 300]. Немецкие разведчики при внедрении в партизанский отряд поощряли вступление в интимные отношения с командирами. В условиях войны факты наличия ППЖ (походно-полевых жен) были явлением достаточно распространенными. В фондах НАРБ нами выявлены документы, в которых приводятся данные об умышленном заражении нацистами засылаемых агентов различными болезнями, в том числе венерическими. В марте 1944 г. в партизанские отряды была разослана радиограмма заместителя начальника

БШПД И. Ганенко следующего содержания: «В последнее время немецкая разведка усиленно забрасывает в партизанские зоны агентов-женщин, зараженных сифилисом. В некоторых бригадах заболело большое количество партизан. Женщины заражаются сифилисом путем прививки и после выполнения задания немцы им гарантируют лечение, прививки делают также молодым девушкам...» [11, л. 13]. Аналогичные сведения приводятся в «Отчете уполномоченного РО НКВД при Червеньском подпольном РК КП(б)Б по агентурно-разведывательной работе и борьбе со шпионажем с 1.01.1944 по 1.03.1944 года» [12, л. 82–82 об.].

В годы оккупации на территории Беларуси в разное время действовало более пятнадцати шпионских школ и курсов, где обучались агенты-женщины. Они располагались в следующих населенных пунктах: Барановичи, Белый Переезд, Бобруйск, Борисов, Вилейка, Волковыск, Ганцевичи, Гомель, Куренец, Лепель, Марьина Горка, Минск, Могилев, Орша, Полоцк, Сенно, Слоним, Слуцк [13, с. 85–86].

Гитлеровские спецслужбы не гнушались в своей работе по выявлению сил сопротивления использовать детей и подростков в качестве своих информаторов, шпионов и диверсантов. В научных работах белорусских историков, посвященных истории детей в условиях войны и оккупации, эта тема нигде не упоминается [14; 15]. В рекомендациях для немецких солдат «Тактика борьбы с партизанами» от 3 июля 1943 г. в разделе «Разведка» указывалось, «при этом важно разведчикам, работающим среди населения, использовать по возможности женщин и детей младшего возраста 7–10 лет. Практика показала, что дети такого возраста при умелом подходе к ним могут быть очень полезны» [16, л. 278].

В первую очередь для разведывательной работы использовались дети с уголовным и хулиганским прошлым, члены семей, сотрудничавших с оккупантами и пострадавших от советской власти, сироты и детдомовцы. Вербовка обычно происходила на месте с применением различных средств и способов. Дети, как никто другой, оказывались, в этом смысле, весьма уязвимы, поскольку они наивны и впечатлительны. Важную роль играл и психологический фактор: подростка тянет на приключения, путешествия, к подражанию военным, а это значит – возможность иметь оружие, испытать опасность... Применялись и более традиционные способы вербовки – запугивание, семейное заложничество, подкуп, угроза уничтожения членов семьи.

Первые сведения об использовании детей в качестве агентов относятся к концу июля-началу августа 1941 г. В это время они использовались в качестве сигнальщиков, а также для разведки переднего края фронта [17, л. 93–95]. В дальнейшем их задания усложнялись и, как в случае с женщинами-агентами, делились на разведывательные и диверсионные. В приказе № 32 по партизанскому отряду Райцева от 1 июля 1942 г. отмечалось: «Глубокой разведкой установлено, что противник за последнее

время вербует шпионов из гражданского населения обоих полов в возрасте от 12 до 18 лет и засылает их в тыл Красной Армии и партизанские отряды с целью подрывной диверсионной работы, агентуры и разведки» [18, л. 24]. С весны 1942 г. работа по использованию детей-диверсантов на территории Беларуси становится систематической: увеличиваются масштабы, открываются специальные школы и курсы, разрабатываются программы обучения. Только в 1942 г. на территории БССР были открыты школы и отделения для детей в Бобруйске [19, с. 49], Минске [20, л. 67], Шумилино и Городке [21, л. 110об.]. Всего же в годы оккупации на территории БССР действовало минимум тринадцать школ и курсов, на которых обучались будущие разведчики и диверсанты несовершеннолетнего возраста. Эти заведения размещались в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Вилейке, Городке, Куренце, Минске, Могилеве, Сенно, Слуцке, Орше и Шумилино. По самым минимальным подсчетам через эти школы прошло более тысячи подростков [22, с. 222].

В документах НАРБ встречается информация об использовании в качестве агентуры пожилых людей и инвалидов. Так, в боевой характеристике партизанского отряда Морщинина за ноябрь 1942 г. указывалось, что «гестапо ведет агентурную разведку против партизан, вербуя для этого детей и старух» [23, л. 98]. Партизанами было уничтожено «шесть человек немецких шпионов... в большинстве старики, иногда местные» [24, л. 12]. На территории Польши в г. Гдыне располагалась немецкая спецшкола, где готовились подростки и инвалиды, которые затем засылались в партизанские соединения, в том числе и на территории Беларуси [8, л. 240]

Активно привлекались к разведывательно-диверсионной деятельности и представители различных профессии. В первую очередь «немцы широко используют в качестве своей агентуры лесников, егерей и служащих лесничеств» [1, л. 22]. Хорошее знание лесов использовалось оккупантами для разведки партизанских лагерей и стоянок. Так, в 1942 г. в разведывательно-диверсионную группу «Вперед» вступило несколько местных жителей, «среди них был прекрасно знающий лес местный лесник Ларченко, оказавшийся, как впоследствии выяснилось, немецким шпионом. В одном из боев с немцами, Ларченко перебежал к немцам и, несмотря на то, что после побега мы в течение дня несколько раз меняли свое место пребывания, Ларченко нас находил, немцы трижды окружали наш отряд и мы вынуждены были вести с ними бой» [25, л. 45]. В апреле 1943 г. работник Особого отдела партизанской бригады «Старик» Я. Кондыба сообщал: «С момента активизации партизанских отрядов в Смолевичском, Червеньском, Пуховичском, Борисовском и других районах, гестапо почти всех лесников и объезчиков-лесничих завербовало в качестве агентов по выявлению партизан. Когда стало известно об этом партизанам, эта категория лиц стала постепенно уничтожаться...» [26, л. 6].

В условиях острой нехватки в партизанских соединениях медработников немецкие спецслужбы активно этим пользовались и готовили соответствующую агентуру. Весной 1943 г. в Минске «гестапо завербовало и направило в партизанские отряды 19 врачей с диверсионной задачей» [27, л. 26]. В сентябре этого же года из Новгород-Волынского «направлено в партизанские отряды 46 врачей и фельдшеров для массового отравления партизан» [28, л. 4].

В разведсводке БШПД от 19 января 1943 г. сообщалось, что «в агентурную сеть вербуются главным образом учительницы, ветврачи, медработники и кустари» [4, л. 13]. В «Кратком обзоре о положении на оккупированной территории Полесской области БССР» указывалось, что «гестапо, жандармерия и другие органы германской контрразведки широко применяют вербовку сельской интеллигенции, особенно учителей для выявления партизанских стоянок, баз, передвижения партизанских отрядов. Учителя для этих целей используют детей, которые часто ходят в леса, особенно в летнее время за ягодами и грибами» [29, л. 10].

Подводя итог, следует указать следующее:

- в фондах НАРБ хранится значительный массив документов, отражающий деятельность немецких спецслужб по организации сети специальных учебных заведений для подготовки разведывательно-диверсионной кадров. Основным направлением этой деятельности была не засылка агентуры в тыл Советского Союза и Красной армии, а борьба с партизанским движением;

- в качестве агентов активно использовались различные половозрастные (женщины, старики, дети) и социальные (инвалиды, беженцы, лесники, учителя, медработники и др.) группы гражданского (невоенного) населения;

- дополнительного изучения и уточнения требуют количественные данные по данной проблеме: общее количество спецшкол и курсов на территории БССР, а также общее количество подготовленной агентуры (с разбивкой на группы).

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
2. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 65.
3. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 254.
4. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
5. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 2. – Д. 102.
6. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 327.
7. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
8. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
9. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 3.
10. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 147.
11. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 79.
12. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 62.

13. Кулинок, С. В. Агенты в юбках / С. В. Кулинок // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 82–90.
14. Бездзель, В. Я. Дзеці акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944): манаграфія / В. Я. Бездзель. – Віцебск: УА «ВДТУ», 2013 – 157 с.
15. Паўлаў, У. П. Дзеці ліхалецця: дакументальныя нарысы / У. П. Паўлаў. – Мінск: ААТ «Паліграфкамбінат імя Я. Коласа», 2005. – 416 с.
16. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 888.
17. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1329.
18. НАРБ. – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 103.
19. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. – 2000. – № 5. – С. 27–63.
20. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1300.
21. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 887.
22. Кулинок, С. В. Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941–1944 гг.) / С. В. Кулинок // Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб в XIX–XXI веках. – М.: ОЭТО Росархива, 2016. – С. 211–226.
23. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1297.
24. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 204.
25. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 9.
26. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1298.
27. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 21.
28. НАРБ. – Фонд 1406. – Оп. 1. – Д. 64.
29. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 268.

(Дата подачи: 08.02.2017 г.)

О. Ю. Лесная

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

O. Lesnaya

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 351.852:069:94(476)«1964/1985»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В БССР (1964–1985 ГГ.)

STATE POLICY IN THE FIELD OF MUSEOLOGY IN BSSR (1964–1985 YEARS)

В статье характеризуется государственная политика в области музейного дела БССР в 1964–1985 гг. В описываемый период государство уделяет большое внимание развитию музеев и способствует разработке нормативной базы для деятельности музеев республики, дальнейшему росту музейной сети и активизации всех направлений деятельности музеев.

Ключевые слова: государственная политика; музейное дело БССР; 1964–1985 гг.